

ЗНАКОВАЯ ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

Определение языка как своеобразной семиотической системы, системы знаков, нисколько не противоречит его определению как важнейшего средства человеческого общения¹ и как непосредственной действительности мысли². Наоборот, эти определения не только не исключают, но логически предполагают и диалектически дополняют друг друга: именно в силу того, что язык является средством общения и обмена мыслями, он оказывается системой знаков, так как человеческое общение и выражение мыслей не может совершаться иначе, как только с помощью знаков³. Когда мы говорим, что язык — важнейшее средство человеческого общения, мы подходим к языку с точки зрения его роли в жизни общества, с точки зрения той функции, которую он выполняет в человеческом коллективе, т. е., иначе говоря, «извне», но это определение должно быть дополнено и продолжено определением того, что представляет собою язык «изнутри», т. е. как он устроен для того, чтобы выполнять эту свою функцию орудия, инструмента общения и обмена мыслями. И здесь первое, что нам приходится сделать, — это признать, что язык есть своеобразная знаковая система.

¹ См.: Ленин В. И. О праве наций на самоопределение. Соч. 4-е изд. Т. 20. С. 368.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 448.

³ Поэтому странным представляется, когда лингвист заявляет, что он «рассматривает язык не как систему „условных знаков“, а как средство, с помощью которого люди общаются друг с другом, выражают свои мысли и чувства» (Будагов Р. А. Введение в науку о языке. 2-е изд. М., 1965. С. 4. — Выделение в цитате наше. — Ю. М.).

Мне представляется также, что понимание языка как системы знаков в принципе не содержит в себе ничего идеалистического. Если некоторые советские лингвисты еще не говорят в полный голос о том, что язык — система знаков, или говорят об этом с оговорками и ограничениями, которые сводят на нет это определение, то в их рассуждениях сквозят пережитки старого подхода, остатки этапа, в советском языкоznании уже в основном преодоленного. Действительно, в зарубежном языкоznании и философии проблема знаковости языка разрабатывалась нередко с идеалистических позиций. Но отказаться на этом основании от рассмотрения языка как системы знаков значило бы выплыснуть вместе с водой и ребенком. Нет, на очереди стоит разработка диалектико-материалистической знаковой теории языка, и решение этой вполне реальной задачи диктуется насущными потребностями советского языкоznания.

Что такое знак? Существует старое, возникшее еще в средние века определение, согласно которому мы имеем дело со знаком ~~всяк~~ раз, когда «что-то стоит вместо чего-то другого» (*aliquid stat pro aliquo*), т. е. когда некое событие *A* замещает, представляет, репрезентирует нечто другое, какое-то *B*. Событие *A* есть в этом случае «знак» события *B*, а событие *B* — «референт» события *A*. Под приведенное определение, однако, подойдут и многие ~~такие~~ «знаки», которые не относятся к общению. Так, туча есть «~~знак~~» приближающегося дождя, повышенная температура — «знак» болезни. Во всех подобных случаях перед нами, собственно, не ~~знаки~~, а признаки, симптомы, связанные естественной причинной связью с тем, что они для нас могут «замещать» и «обозначать» в актах ~~познания~~ действительности. Это не знаки, потому что здесь нет ~~сознательного~~, преднамеренного употребления события *A* в целях информации о событии *B*. Видя на небе тучу, мы делаем вывод, что ~~будет~~ дождь, но ведь никто не посыпает тучи на небо с целью «обозначить» дождь, предупредить кого-то о приближающемся дожде. Поэтому, по-видимому, необходимо дать более узкое определение ~~знака~~. Мы должны исключить из понятия знака знаки-признаки, или симптомы, т. е. говорить только о коммуникативном знаке, о ~~знаке~~, используемом в актах общения людей.

Когда мы имеем дело с коммуникативными знаками, помимо *A* и *B* существуют еще *C* и *D*: субъект *C* использует событие *A*, чтобы информировать о событии *B* субъекта *D*. Следовательно, здесь отношения гораздо более сложные. Очевидно, можно предложить следующее предварительное определение коммуникативного знака.

Коммуникативным знаком (в дальнейшем просто: знаком) будем называть всякий преднамеренно воспроизводимый или преднамеренно используемый материальный факт, рассчитанный на чье-то восприятие и предназначенный служить средством передачи информации о чем-то, находящемся вне этого факта (о референте этого знака). Например, букет цветов, который преподносится в знак внимания, уважения; шляпа, положенная на стул как знак того, что место занято. Частной разновидностью знака является нулевой знак — значащее отсутствие материального события на фоне его присутствия в соотносительных случаях. Так, не включение «мигалки» служит знаком того, что данный автомобиль, автобус и т. д. едет через перекресток в прямом направлении, не меняет «ряда» движения, не обгоняет другую машину и т. п.

Рассчитанность знака на восприятие предполагает не просто его чувственную воспринимаемость, но и его отличимость в восприятии от другого знака или от других знаков той же системы, а также от окружающего фона. Если мы возьмем даже одиничный знак, не образующий системы, например, свисток милиционера на улице, адресованный гражданину, переходящему дорогу там, где переход запрещен, то этот одиничный знак тоже должен отличаться от фона, т. е. от прочих уличных шумов, иначе он не будет воспринят, и общение не состоится.

Свойство знака отличаться от других знаков и от фона можно назвать дистинктивной (различительной) функцией знака⁴. Свойство знака служить средством для передачи информации уместно назвать его информативной функцией.

Само собой разумеется, что смысл, цель существования знака, его назначение — в реализации его информативной функции, но реализация информативной функции была бы принципиально невозможна без дистинктивной функции, была бы невозможна, если данный знак не отличался бы в восприятии от других знаков и от фона. В принципе, таким образом, обе функции составляют неразрывное единство. В простейших знаковых системах единство этих функций выступает особенно наглядно: машинист паровоза видит на

⁴ Можно выделять еще перцептивную функцию знака — его способность восприниматься, быть объектом восприятия. Но, чтобы не усложнять картину, мы не будем говорить отдельно об этой функции: можно считать, что она органически включается в состав дистинктивной функции, составляя ее необходимую предпосылку.

фоне неба или леса поднятое плечо семафора, отличает его поднятое положение от возможного в других случаях опущенного положения и понимает выраженную в этом знаке адресованную ему информацию: 'путь свободен'. В более сложных знаковых системах, в том числе и в языке, наблюдается своеобразное обособление функций. В таких системах приходится выделять два знаковых уровня, или яруса: ярус собственно знаков, или знаков-информаторов и ярус «полузнаков», знаков-дистинкторов, или, по терминологии Ельмслева, «фигур»⁵, т. е. таких дистинктивных и конститутивных элементов, которые используются при построении знаков-информаторов и обеспечивают их распознавание. Приведу один пример.

Телеграфный код Морзе (так наз. «азбука Морзе») представляет собою сравнительно простую знаковую систему, имеющую очень ограниченную цель: азбука Морзе служит, как известно, для простого перекодирования знаков обычного письма, т. е. букв, цифр, знаков препинания, в некоторые последовательности точек и/или тире. Так, три тире обозначают букву *o*, три точки и одно тире — букву *ж* русского или *v* латинского алфавита, и т. д. Очевидно, знаком-информатором в рамках этой системы будет каждая такая последовательность, соответствующая как целое одной букве, одной цифре, одному знаку препинания. Сами же по себе точки и тире внутри этих последовательностей ничего не означают и потому являются лишь знаками-дистинкторами, простейшими элементами, из определенных комбинаций которых строятся знаки-информаторы⁶.

В некоторых знаковых системах может быть выделен еще третий вид знаков — знаки-делимитаторы, или разграничительные сигналы. В азбуке Морзе это будут пробелы, т. е. паузы, отделяющие одну значащую последовательность точек и тире от другой.

Что же является в языке знаком-информатором, знаком-дистинктором, знаком-делимитатором?

Очевидно, что знаками-информаторами следует признать значащие единицы языка. Минимальными, или простыми знаками-информаторами будут здесь морфемы, положительные и нулевые, а также супрасегментные эквиваленты, или «заместители» морфем, так наз. «супрасегментные морфемы» дескриптивистов (внутренняя

⁵ См.: Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. С. 305.

⁶ Как частный случай допускаются последовательности, состоящие из одной точки (соответствует букве *e*) или из одного тире (соответствует букве *t* русского или *t* латинского алфавита). Ср. следующую сноsku.

флексия, ударение, если оно используется как грамматическое средство, интонация, порядок слов и т. д.). Сложными знаками-информаторами являются здесь (в порядке возрастающей сложности), во-первых, разного рода устойчивые объединения и сцепления морфем, например, производные основы, сложные основы, составные аффиксы (в том числе и объединения неконтактно расположенных аффиксов вроде *ge-...-t* или *ge-...-en* в формах немецкого причастия II); во-вторых, слова, т. е. словоформы и лексемы (кроме окказиональных слов, о которых ниже); в-третьих, фразеологические и вообще устойчивые сочетания слов вплоть до таких, которые функционируют в качестве целых предложений (т. е. вплоть до пословиц, сентенций, ходящих цитат из литературных произведений и т. д.). Все эти сложные единицы существуют, как и морфемы, в готовом виде в системе языка и по мере надобности используются нами в нашей речи.

Что касается свободных предложений (т. е. обычных предложений, а не цитат), а также свободных словосочетаний и окказиональных слов типа русск. *семнадцатистяжный* или немецк. *Goethebeispiel* ‘пример из Гете’ и т. п., то они занимают особое положение. Вряд ли целесообразно считать их знаками языка, скорее здесь речевые комбинации языковых знаков, но об этом ниже.

Знаками-дистинкторами в языке являются, прежде всего, фонемы — минимальные линейные единицы языка, конститтивные и дистинктивные элементы, служащие «строительным материалом» для морфем и слов и обеспечивающие их восприятие и распознавание⁷. Знаком-дистинктором нижнего яруса следует, очевидно, считать дифференциальные признаки фонем, т. е. реальные особенности звучания, по которым фонемы отличаются друг от друга и противопоставляются друг другу. Наконец, в качестве знака-дистинктора выступают и некоторые просодические особенности, в частности, словесное ударение — там, где оно не несет самостоятельной, вычленимой семантической функции или не служит автоматическим сигналом начала или конца слова и т. п. Так, в звуковой облик рус-

⁷ В частном случае «звуковое тело» морфемы или даже слова может состоять из одной фонемы. Как подчеркивал Л. В. Щерба, именно такого рода случаи (довольно широко распространенные в ряде языков, в частности в русском) и создают главную предпосылку выделимости фонемы в потоке речи. Вместе с тем, однако, эти частные случаи все-таки остаются лишь частными случаями. В общей форме фонема может быть определена лишь как дистинктивная (и конститтивная) единица языка, единица, не связанная прямо со смыслом. Ср. сказанное в предыдущей сноски о частном случае «самостоятельного» использования точки и тире в азбуке Морзе.

ского слова (и корня) *горох* входит в качестве неотъемлемого компонента, наряду с определенным набором фонем, и ударенность (ударность?) второго (и, соответственно — неударность первого) слога. В ряде случаев возникают «минимальные пары» слов, различающихся (при одинаковом фонемном составе) только ударением, напр., *мúка* — *мука́* (ср. классические «минимальные пары», в которых наблюдается различие в одной фонеме, напр. *мука́* — *рука*). Поскольку во всех подобных случаях невозможно сказать, что же именно, какой элемент значения выражен постановкой ударения на данный слог, ударение остается здесь знаком-дистинктором⁸.

Что касается знаков-делимитаторов, то в языке это так наз. «пограничные сигналы», вопрос о которых был поставлен Н. С. Трубецким⁹. К ним относится, в частности, словесное ударение в тех языках, где оно строго фиксировано по отношению к границе слова, напр., начальное ударение в финно-угорских языках, а из индоевропейских — в латышском, чешском, словацком, или конечное ударение в большинстве тюркских языков, в армянском и др. Есть и другие типы знаков-делимитаторов, но в общем, как отмечал уже Трубецкой, в структуре языка «пограничные сигналы» не обязательны.

Несмотря на то, что учебник А. А. Реформатского «Введение в языкознание» является лучшим из имеющихся сейчас учебников этого курса, нельзя согласиться с тем, как автор освещает проблему знака. А. А. Реформатский пишет, что «знак не имеет значения»¹⁰ и потому в языке подлинными знаками являются фонемы (в письменном языке, соответственно, буквы, графемы). Слова же и морфемы — знаки лишь постольку, поскольку они составлены из фонем¹¹. При таком подходе стирается вся специфика коммуникативного знака. Знак вообще подменяется знаком-дистинктором, тогда как на деле только наличие знаков-информаторов составляет необходимое и достаточное условие сущ-

⁸ Иное дело — пары типа англ. *'import* — *im'port*, *'extract* — *ex'tract* и т. д., в которых ударение выступает как знак-информатор: падая на первый слог, оно служит приметой имени существительного, а падая на второй слог — приметой соответствующего глагола. В этих случаях можно сказать, что категориальное значение субстантивности или глагольности выражается именно местом ударения в некотором отвлечении от фонемного состава слова, а лексическое значение — фонемным составом в отвлечении от места ударения.

⁹ См.: Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960. С. 36, 299 и сл.

¹⁰ Реформатский А. А. Введение в языкознание. М., 1960. С. 18.

¹¹ Там же. С. 19.

ствования знаковой системы. Знаки-дистинкторы, при всей их важности в языке, играют всего лишь подчиненную роль.

Переходим к более подробному рассмотрению собственно знака, т. е. знака-информатора. В языкознании и в философии издавна существуют две противоположные концепции знака. Одна концепция выделяет в знаке две стороны, «означающее» (лат. *signans*) и «означаемое» (*signatum*) и рассматривает знак (*signum*) как сумму, совокупность, неразрывное единство этих двух сторон. Эта «билитералистическая» концепция была сформулирована в виде равенства *signum = signans + signatum* еще Аврелием Августином (354—430 гг. н. э.). В языкознании XX века последовательными сторонниками билитералистической точки зрения были Ф. де Соссюр, Луи Ельмслев, такова же в принципе позиция А. Мартине, Р. Якобсона и мн. др. Противоположная, унилтералистическая концепция приравнивает знак к означающему по формуле *signum = signans*. Значение знака, оставаясь и в этой концепции необходимым условием самого существования знака, выводится, однако, за его пределы. К числу приверженцев этой концепции принадлежат Э. Кошмидер, А. Граур, Л. Завадовский и др. Оба подхода к знаку были представлены и вызвали оживленные споры на международном симпозиуме «Знак и система языка», собравшемся в 1959 году в Эрфурте (ГДР)¹². Обе точки зрения представлены и советской наукой¹³. Мне казалось бы целесообразным, рассматривая структуру знака-информатора, говорить о двух его сторонах: 1) о его материальном экспоненте, чувственно воспринимаемом в процессе общения, и 2) о его идеальной стороне, включающей также два аспекта: а) отражение экспонента в сознании людей, пользующихся знаком, и б) содержание знака, т. е. общественно закрепленную за этим экспонентом содержательную информацию, передаваемую знаком. Для наглядной иллюстрации соотношения всех этих моментов между собой и с референтом знака, т. е. с тем внешним событием, которое репрезентируется и «замещается» знаком, воспользуемся следующей схемой. Общая идея этой схемы заимствована из одного доклада Б. Н. Головина.

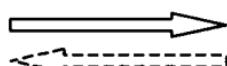
¹² Материалы симпозиума опубликованы в сб.: *Zeichen und System der Sprache*. Bde 1—3. Berlin, 1961—1966.

¹³ В последнее время билтералистическую концепцию отстаивает, например, Белецкий А. А. (см. его статью: Знаковая теория языка // Теоретические проблемы современного советского языкознания. М., 1964), унилтералистическую, например, Зиновьев А. А. (см. его статью: Об основах абстрактной теории знаков // Проблемы структурной лингвистики. М., 1963).

Схема знака-информатора¹⁴

Материальный экспонент

Напр.: черный зигзаг в желтом треугольнике, обведенном красной каймой; звукоряд [don], [kot], [oj] (также [dan], [kat] в *на Дону, кота*); букворяд *Дон, кот, ой*; материальное отсутствие звука между [ja] и [rat] и т. д.

Идеальное отражение экспонента

Представление (образ) треугольника с зигзагом внутри; представление звукоряда [don], [kot], [oj] и т. д.; представление соответствующего букворяда; представление отсутствия связи между я и *рад* и т. д.¹⁵

Референт знака

Извилистая дорога (класс извилистых дорог); река Дон; животное «кот» (класс котов); ощущение боли и т. п.; совпадение события с моментом высказывания о нем и т. д.

Содержание знака

(= идеальное отражение референта). Понятие ‘извилистая дорога’, ‘кот’, представление (или так наз. ‘единичное понятие’) ‘река Дон’; осознанное ощущение боли и т. п.; грамматическое значение настоящего времени и т. д.

Можно было бы, пожалуй, согласиться с унилатералистами и считать, что знак есть только материальный экспонент (но тогда обязательно добавлять, как это и сделано выше в предварительном определении: «сознательно, преднамеренно воспроизведимый, рассчитанный на восприятие и на передачу информации о чем-то, находящемся вне этого знака», так как без этих условий нет и самого знака). Мне представляется, однако, более глубокой и диалектиче-

¹⁴ Пунктирной рамкой обведено в схеме то, что составляет «идеальную сторону» знака; сплошной рамкой — то, что (при любой интерпретации) не входит в состав знака.

¹⁵ Имеется в виду представление, связанное с восприятием неязыкового или языкового знака (зрительное, слуховое) и с воспроизведением этого знака (моторное — представление движений, необходимых для начертания экспонента, представление мышечных ощущений, связанных с движениями речевых органов и т. д.).

ской концепция билатералистов, согласно которой в состав знака следует включать помимо экспонента и все то, что в нашей схеме обведено пунктирной рамкой. Знак предстанет в этой трактовке как сложное диалектическое единство материального и идеального. Но особенно существенно следующее: в отличие от де Соссюра, который учил, что языковой знак «связывает не вещь и имя, а понятие и акустический образ»¹⁶, что языковой знак есть «двусторонняя психическая сущность»¹⁷, материалистически ориентированное языко-знание не может ограничить себя рассмотрением отношений, изображенных в правой половине нашей схемы. Материалистический подход к знаку предполагает обязательный учет отношений между левой и правой половиной схемы и обязательное признание двух важнейших положений, а именно:

Во-первых, признание принципиальной материальности экспонента. Не будучи материальным, экспонент не мог бы быть воспринят адресатом сообщения, а значит соответствующий знак не мог бы быть использован для передачи информации. «Акустический образ», о котором говорит де Соссюр, а также речедвигательный, оптический (графический) и т. д. образ (см. примеч. 15), есть лишь отражение экспонента в сознании, нечто вторичное по отношению к экспоненту. Это отражение не может существовать без своего оригинала, скажем, без звукоряда, который должен быть услышан людьми для того, чтобы они его стали употреблять сами и могли бы «помыслить» его, не произнося вслух. Как говорили К. Маркс и Ф. Энгельс, язык (это можно отнести и к другим коммуникативным знаковым системам) существует для других людей и лишь тем самым также и для меня самого¹⁸, существует для коллектива и лишь тем самым для каждого отдельного члена этого коллектива; существует, проявляясь в актах общения, материально воплощаясь в звуках (в буквах и т. д.), и лишь тем самым существует в виде психического отпечатка в мозгу отдельного носителя языка, в сознании каждого члена языкового коллектива¹⁹. Нулевой экспонент (неязыковой пример см. выше, языковые примеры нулевых морфем, нулевых связок и т. п. — общеизвестны) тоже материален в философском смысле.

¹⁶ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1933. С. 77.

¹⁷ Там же. С. 78.

¹⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 29.

¹⁹ Ср.: Резников Л. О. Гносеологические вопросы семиотики. Л., 1964.

С. 9—10.

Во-вторых, материалистический подход к знаку предполагает признание того, что содержание знака есть идеальное отражение рефераента, объективно существующего вне этого знака. Так, содержание дорожного знака 'извилистая дорога' есть обобщенное и схематичное отражение целого класса реально существующих извилистых дорог и в каждом конкретном случае применения этого знака — схематичное отражение реальной извилистики соответствующего участка данной конкретной дороги. Содержание знаменательных слов — имен собственных есть отражение соответствующих индивидуальных предметов, содержание нарицательных имен — обобщенное и схематичное отражение соответствующих классов предметов. Конечно, это отражение схематично, оно дает лишь минимум признаков, достаточных для отличения предмета от других, лишь бледный контур понятия (для полного раскрытия содержания понятия нужен ряд слов, комбинация словесных знаков)²⁰, но все-таки это — отражение²¹. Содержание грамматических морфем и служебных слов — своеобразное отражение объективных связей между элементами действительности, а в некоторых случаях — между объективно, вне нашего сознания существующими элементами языковой структуры. Так, например, причинные союзы, причинные предлоги отражают объективные причинные связи (разумеется — преломленные человеческим сознанием); суффиксы — примеры определенных склонений и спряжений — несут «парадигматическую информацию», т. е. отражают объективно существующую в языке, исторически сложившуюся классификацию лексики на определенные формальные разряды и т. д. Даже содержание слов типа *русалка, леший* есть искаженное отражение непознанных человеком сил природы.

Вторичность отражения по сравнению с объектом отражения (отмеченная в нашей схеме двумя сплошными стрелками, нацеленными вправо) не означает, что идеальная сторона знака только пассивна. Сознание есть активная сила, в свою очередь воздействующая на бытие. В интересующей нас области это проявляется двояким образом: во-первых, в том, что материальные экспоненты знаков воспроизводятся людьми на базе существующего в сознании представления об этих экспонентах (в нашей схеме это обозначено верхней

²⁰ Ср.: Кацельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л., 1965. С. 18—25.

²¹ Ср.: Резников Л. О. Указ. соч. С. 55, и наглядную схему соотношения знака, значения и предмета, там же, с. 56.

пунктирной стрелкой): во-вторых, в том, что, общаясь с помощью знаков, люди очень часто стремятся не просто отражать действительность, но и воздействовать на нее, вызывая те или иные действия со стороны собеседников или запрещая какие-либо действия. Есть знаки, прямо и специально рассчитанные на вызов определенной реакции. Таковы все «запрещающие» и «предписывающие» дорожные знаки, таковы сигналы светофоров, железнодорожных семафоров и т. д., а в языке — формы повелительного наклонения, различные команды, вопросительная интонация, выражающая требование или просьбу об ответе, и т. п. Но и многие знаки (и целые сообщения), не содержащие прямого призыва к действию, косвенно, с большей или меньшей регулярностью, предполагают вызов известных реакций (например, «указательные» дорожные знаки, предупреждающие о той или иной опасности, или констатация «уже поздно» в устах не очень вежливого хозяина, желающего выпроводить засидевшегося гостя). В нашей схеме эта активная роль содержания знака изображена нижней пунктирной стрелкой.

Между референтом знака и его экспонентом не существует, конечно, никакой прямой связи. Связь осуществляется через сознание людей, которые пользуются данным знаком, для которых, скажем, звукоряд [don] обозначает определенную реку, звукоряд [kot] — определенную разновидность домашних животных и т. д. Связь эта условна и общественна, исторична: в другом коллективе понятие ‘кот’ связано с совершенно другими звуками, ср. франц. [ša] (в орографии: *chat*), лат *felis* и т. д., или ср. немецкое междометие боли *ai!* и русские *ой!* *ай!* В искусственных знаковых системах эта связь «задается» создателями таких систем, устанавливается по соглашению. В естественных языках она в громадном большинстве случаев сложилась стихийно и наследуется по традиции. Лишь в некоторых специальных сферах языка (наиболее последовательно — в научной и технической терминологии) имеют место элементы сознательного соглашения. Особый вопрос — насколько выбор данного, а не какого-либо другого экспонента подсказан, или мотивирован самим референтом, самой природой обозначаемой вещи.

В «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра проблемы, о которых мы сейчас говорим, сформулированы в учении о произвольности и мотивированности языкового знака. Следует отметить неудачность сассюровского термина «произвольность». Он как будто подразумевает возможность «произвола» в языке, «произвольного» обращения с означающим (экспонентом), «произвольной» замены его другим экспонентом и т. д., хотя сам Соссюр ничего подобного

не имел в виду, а наоборот, подчеркивал, что язык «навязывается» каждому члену коллектива, что индивид перед языком бессилен, т. е. неспособен в нем что-либо существенным образом изменить. Слово «произвольный», писал де Соссюр, «не должно пониматься в том смысле, что означающее зависит от свободного выбора говорящего субъекта... мы хотим сказать, что оно не мотивировано, т. е. произвольно по отношению к означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи»²². Ниже де Соссюр говорит, однако, об «относительной мотивированности» некоторых знаков по сравнению с другими — например, производных слов по сравнению со словами, состоящими из одного корня²³. Мне представляется, что вместо «произвольности» следует говорить об условности знака, точнее — об условности связи между экспонентом (или его отражением) и содержанием знака. Что же касается «относительной мотивированности», то она возможна в знаке, но никак не является обязательной для него.

Так, если мы возьмем дорожные знаки, мы найдем среди них и мотивированные, или, как говорят, «иконические», т. е. изобразительные (например, знак ‘извилистая дорога’ — изображение зигзага, знак ‘дети на дороге’ — изображение бегущей девочки и мальчика и т. д.), и немотивированные, чисто условные (напр., знак ‘конец ограничений’ — желтый круг, разделенный пополам прямой черной полосой под углом 45° к горизонту). Подчеркнем, однако, что даже в наиболее мотивированных знаках условность всегда преобладает над мотивированностью. Так, изображение силуэта коровы предупреждает об опасности появления на дороге не одних только коров, а вообще скота. Следовательно, с равным правом можно было бы выбрать овцу или козу и т. д.; далее, можно было бы выбрать не силуэт целого животного, а, например, силуэт головы; наконец, то, что это предупреждение, а не, скажем, запрещение прогона скота по дороге, явствует из треугольной, а не круглой формы поля, а это использование формы уже чисто условный момент, никак не вытекающий из «природы вещей». Или, другой пример. Взглянув на дорожный знак с изображением велосипеда, каждый, кто видел велосипед, «узнает» его и догадается, что речь идет о велосипедном движении. Но чтобы понять, какую именно информацию передает этот знак, надо знать, что если это белое изображение на голубом поле, то это знак велосипедной дорожки, знак места, специально от-

²² Соссюр Ф. де. Указ. соч. С. 79—80.

²³ См.: Там же. С. 127—129.

веденного для езды на велосипеде; а если это черное изображение на желтом поле, обрамленном красной полоской, то это знак, запрещающий велосипедное движение. Словом, повсюду в знаковых системах мотивированность экспонента является лишь эпизодом на фоне немотивированности, условности, являющейся общим правилом.

То же самое мы наблюдаем и в языке. Среди морфем, т. е. простейших языковых знаков-информаторов, мотивированными, «иконическими» знаками следует признать одни только звукоподражательные корни. Общеизвестно, однако, что и в них изобразительность никак не абсолютна, что она ограничена рамками репертуара фонем (и допускаемых фонемосочетаний) каждого данного языка и, кроме того, скована традицией, так что на поверку оказывается весьма приблизительной. Кроме того, звукоподражательные корни составляют в каждом языке ничтожное меньшинство морфем. Экспоненты всех остальных морфем — корневых и аффиксальных, лексических и грамматических — абсолютно немотивированы. В сложных знаках-информаторах типа производных основ и слов, сложных основ и слов и т. д. мы встречаемся с относительной мотивированностью. Эти знаки нередко в какой-то мере мотивированы самим составом своих экспонентов, набором простейших знаковых единиц, из которых строятся эти экспоненты. В примерах, которые приводят на живую «внутреннюю форму слова», мы, однако, легко можем наблюдать относительный характер их мотивированности. Так, слово *одуванчик* — мотивировано, в основе его лежит объективный признак предмета. Но *одуванчик*, как мы знаем, называется в русских говорах еще *пухлянка*, *летучка*, *молочник*. Каждое из этих названий мотивировано, но почему в каждом названии выбран именно данный признак, а не другой — мы не знаем. Следовательно, мотивированность всегда относительна, всегда сочетается с условностью и случайностью в выборе мотивирующего признака. Кроме того, мотивированность слов всегда в конечном счете «упирается в стену» всеобщей (кроме звукоподражаний) немотивированности экспонентов морфем.

В связи с затронутыми сейчас вопросами необходимо хотя бы кратко коснуться общих особенностей формирования высших знаковых языковых единиц из низших. Если экспоненты высших единиц обычно более или менее равняются сумме экспонентов их составляющих (в крайнем случае наблюдаются упрощения и ассимиляции на стыках морфем, явления фузии, отдельные усечения слов и т. п.), то в плане содержания дело обстоит куда сложнее. Здесь простое механическое суммирование почти никогда не имеет места. Содержание целого не складывается из суммы

содержаний частей, а как бы надстраивается над содержанием частей, вырастает на их базе, а иногда (в случаях полного стирания мотивировки) даже, по-видимому, не имеет к содержанию частей никакого отношения (хотя бы в структурном плане эти части выделялись очень отчетливо). Это хорошо известно в применении к фразеологизмам разного рода, но по большей части не иначе обстоит дело и в других типах сложных языковых знаков. Слово *булочная* (я нарочно беру пример с предельно прозрачной «внутренней формой») по составу своих морфем должно значить лишь ‘нечто, относящееся к булке’, а тем, что оно значит именно ‘магазин, в котором продают булку и другие хлебные изделия’, оно обязано не своему морфемному составу, а сложившейся традиции. Оно с равным правом могло бы значить и ‘хлебозавод’, и ‘склад хлебопродуктов’, и ‘место в буфете, где лежит хлеб’, и т. д. Слова *чайная, зеленая, закусочная, сосисочная, пельменная, пирожковая, пышечная, котлетная* (последние пять — неологизмы, родившиеся на наших глазах) показывают, что значение ‘торговое предприятие, где продаётся то, что обозначено корнем’, в какой-то мере закрепилось за данной словообразовательной моделью (относительное отыменное прилагательное с суффиксом *-н-* или *-ов-*, субстантивированное в форме женского рода). Но это значение — лишь одно из возможных значений данной модели, вовсе для нее не обязательное: ср. *котельная, ванная, диванная, столовая* — слова, построенные таким же образом, но не обозначающие ‘место, где продают котлы, диваны и т. д.’²⁴. В ряде других случаев нетождественность содержания целого сумме содержаний частей, идиоматичность содержания сложного знака выступает еще отчетливее. Появление разного рода переносных значений, синхронически сосуществующих с исходными, еще более углубляет многоплановость сложных языковых знаков (впрочем, в ряде случаев развитие переносных значений создает семантическую двуплановость даже в простых знаках-информаторах — морфемах, например, *прав-, лев-, холод-* и мн. др.). В общем можно сказать, что в языке в большинстве случаев *низшая знаковая единица существует в составе высшей «в снятом виде»*, а вся область содержания представляет собой чрезвычайно сложную многоярусную иерархическую структуру, по существу еще очень мало исследованную.

²⁴ В диахроническом плане можно говорить об «опущении» разных существительных (*лавка, комната, мастерская* — например в случае *переплетная*); но в синхронии перед нами неполная выводимость содержания целого из содержания частей, известная традиционность содержания целого.

Теперь, после подробного рассмотрения знаков-информаторов, можно ответить на два вопроса: 1) почему знаки-дистинкторы, столь отличные от знаков-информаторов, не обладающие всеми теми свойствами, о которых шла речь на протяжении последних нескольких страниц, все же рассматриваются нами как знаки, хотя и особого рода, так сказать, «не вполне знаки»; 2) почему не рассматриваются как знаки языка предложения, свободные словосочетания и окказиональные слова.

Ответить на первый вопрос можно следующим образом. При всем своем глубоком отличии от знаков-информаторов знаки-дистинкторы кое в чем с ними все-таки сходны. По аналогии с понятиями экспонента, отражения экспонента в сознании и содержания знака-информатора, можно говорить о материальной субстанции знака-дистинктора (и знака-делимитатора), об отражении этой субстанции в сознании и о функциях этих знаков, как они были перечислены выше. А дистинктивная функция принадлежит к важнейшим функциям знака вообще. Выполняя ее, знаки-дистинкторы участвуют в выражении значения, в передаче информации, хотя и иным образом, чем знаки-информаторы. Таким образом, включение и знаков-дистинкторов (и делимитаторов), хотя и на несколько особых правах, в общий класс коммуникативных знаков представляется оправданным.

Отвечая на второй вопрос, отметим следующее. Любой знак языка, будь то информатор, дистинктор или делимитатор, будь то простой или сложный знак, принадлежит системе языка и представляет собой единицу стандартную, т. е. многократно используемую в речевых актах, многократно повторяющуюся в текстах. Конечно, вероятность появления в тексте оказывается очень разной в зависимости от того, о какой конкретной единице идет речь, а также — от содержания текста²⁵. Но даже наиболее редко употребляемые знаковые единицы все же существуют в данной системе и хранятся в памяти для того, чтобы быть снова использованными, когда это понадобится, или быть узнанными и понятыми, когда они встретятся в воспринимаемом тексте. Стандартным и устойчивым (иногда — относительно устойчивым) является и конкретный состав экспонента данной знаковой единицы (скажем — фонемный состав экспонента данной морфемы, морфемный состав слова, состав слов в устойчи-

²⁵ О понятии «речевой вероятности» см.: Андреев Н. Д., Зиндер Л. Р.. О понятиях речевого акта, речи, речевой вероятности и языка // Вопросы языкознания. 1963. № 3. С. 15—21.

вом словосочетании). В предложениях (если это не ходячие формулы типа пословиц, сентенций и т. д.), в свободных сочетаниях и окказиональных словах вроде *двадцатишестиметровый* мы, напротив, не встретим ни этой стандартности, устойчивости конкретного состава, ни этой повторяемости в текстах. Системе языка принадлежит здесь только модель соответствующей конструкции, сама же конструкция осуществляется каждый раз по-новому, в зависимости от смысла данного высказывания, реализуется в ином, каждый раз новом наборе конкретных единиц. Конкретный состав такой конструкции не сформирован заранее, не существует в готовом, «собранном» виде как повторяющаяся традиционная единица, он формируется говорящим (пишущим) *ad hoc* в процессе пользования языком, в процессе создания высказывания, в данном речевом акте, применительно к данному тексту. Поэтому мы и должны признать подобные конструкции не знаками языка, а лишь речевыми, хотя и построеными по языковым моделям, комбинациями языковых знаков.

На протяжении предшествующего изложения постоянно рассматривались факты языка на фоне фактов некоторых искусственных знаковых систем, настойчиво проводилась мысль о сходстве, об известном «изоморфизме» между этими системами и языком как системой знаков. Оправдано ли такое рассмотрение? Не обидно ли сравнивать язык, это сложнейшее проявление человеческого духа, этот богатейший мир, тайны которого еще далеко не раскрыты наукой, с какими-то «вульгарными» знаками уличного движения? Не есть ли такой подход к языку «вульгаризация» и «упрощенчество»? Видимо, обижаться за язык не следует и никакой вульгаризации и упрощенчества в самом принципе такого рассмотрения языка нет. В. И. Ленин называл язык важнейшим средством человеческого общения. Приводя эти слова, нередко не обращают внимания на эпитет «важнейшее». А между тем, это слово сказано, конечно, не случайно. «Важнейшее» значит «не единственное». Это слово показывает нам, что В. И. Ленин, говоря о языке, мыслил его на фоне других, менее важных чем язык, средств человеческого общения (прежде всего, конечно, письма, но далее, возможно, и разных систем сигнализации, символьических «языков» науки и т. д.). Генетически все эти искусственные системы являются вторичными (нередко даже «третичными» и т. д.) по отношению к языку; они созданы — в большей или меньшей мере — по его образу и подобию, как его очень видоизмененные и упрощенные модели. Но самые общие, самые элементарные свойства языка как знаковой системы ими все-таки моделируются и притом в наиболее чистом, логически

очищенном виде. Именно это и делает их весьма удобным, классическим объектом семиотического анализа. Именно поэтому сравнение языка с искусственными знаковыми системами может, как мне кажется, во многом помочь лингвистам в их собственной области²⁶. Но, конечно, проводя такое сравнение, надо ясно представлять себе и важнейшие различия между языком и искусственными знаковыми системами. Эти различия можно свести к трем главным пунктам.

Во-первых, искусственные знаковые системы обслуживают человека в какой-то узкой сфере его деятельности каждой. Правда, письмо — такая искусственная система, которая обслуживает человека почти во всех сферах его деятельности, но письмо — это система особого рода, наиболее тесным образом связанная с языком, и поэтому о нем надо было бы говорить особо. И все же сфера использования письма, даже в эпоху всеобщей грамотности, значительно уже, чем сфера использования устной речи. Еще несравненно уже и специальнее область использования символических «языков» науки, знаков уличного движения, морской сигнализации флагами, азбуки Морзе и т. д. Язык же обслуживает человека во всех сферах его жизни и деятельности и сопровождает его с первых месяцев до последних дней жизни. И в силу этого язык прежде всего количественно несравненно богаче и качественно гораздо сложнее, чем любая другая знаковая система. Количественный момент переходит здесь в качественный момент. Но это лишь одна сторона дела.

Второе различие, по-видимому, заключается в следующем. Искусственные знаковые системы именно искусства; они созданы сознательным актом воли, как плод соглашения или ряда соглашений, они и в целом, и в деталях имеют продуманный, логический характер. Поэтому в искусственных знаковых системах сознательно избегаются и обычно действительно отсутствуют всякие противоречия, ненужная избыточность, в них нет или почти нет синонимов, в них совершенно нет (во всяком случае их создатели стремятся к тому, чтобы не было) омонимии и полисемии. Язык (каждый язык) — система, создавшаяся стихийно на протяжении тысячелетий. Никогда ни в чьей голове не существовало единого

²⁶ В известной мере поучительно было бы сравнение языка как знаковой системы и с такими природными («доязыковыми» и «дочеловеческими») явлениями, как «танцы пчел» или звуки, издаваемые вожаком животного стада в минуту грозящей опасности, и т. п. Но эти явления лежат уже в совершенно иной плоскости, и рамки настоящей статьи не позволяют нам привлечь их здесь к рассмотрению.

плана его построения и развертывания, и в нем на каждом шагу подстерегает нас полисемия, омонимия, синонимия, всякого рода нелогичности, противоречия. Язык чрезвычайно избыточен, обладает колossalным «запасом прочности». И даже в развитом современном обществе язык лишь в очень небольшой мере подчиняется сознательной регулировке в некоторых областях (например, в области терминологии), но в целом он и сейчас почти непроницаем для сознательной регулирующей деятельности. В то же время искусственные знаковые системы меняются по произволу людей очень легко и безболезненно.

Наконец, последнее и самое важное различие. Искусственные знаковые системы (кроме, может быть, символьических «языков» некоторых наук), как правило, имеют дело с информацией уже как-то ранее выраженной, они служат для перекодирования «готовой» информации из одной формы в другую. Язык же в этом отношении отличается от всех остальных знаковых систем. Мысль до ее оформления с помощью языка, можно сказать, не существует, не является мыслью в подлинном смысле слова. Содержательная информация, как правило, впервые создается в тех или иных языковых формах. Поэтому язык представляется наиболее органически связанным с мыслью, наиболее естественным ее «вместилищем» и средством ее формирования. Особенно справедливо это по отношению к родному языку, который для человека с самого начала его жизни неразрывно связан с мышлением. Именно в силу «органичности» языкового знака в его значение может входить и нередко входит эмоциональный момент, тогда как в знаках большинства искусственных систем эмоциональные моменты, как правило, отсутствуют.